

Глава 47. Больно, а ты терпишь?

Едва Е Чжэнвэнь успел договорить, как стоявший рядом большой белый тигр тут же подался вперёд. Огромной тушей он так и впечатал хозяина в сторону. Е Чжэнвэнь покачнулся, отступил на два шага и остановился, только ухватившись за каменную стену.

— Да Бай! — взвился он. — Ты чего творишь?!

Обиженный большой тигр повернул голову и жалобно аукнул, а потом, высунув язык, уставился сияющими глазами на Цзян Тана у Фу Линцзюня на руках.

— Ау-у... — неуверенно, но с явным восторгом позвал серебряный морозный тигр, раскрыв страшную пасть. — Белый комочек, белый комочек!

Цзян Тан невольно подался назад и прижался к плечу Фу Линцзюня.

Увидев, что он и правда отреагировал, серебряный морозный тигр понял, что не ошибся. И сразу смешались радость и горе: радость от встречи и горе от того, что Цзян Тан вдруг вырос совсем не в его вкусе.

— Почему ты стал таким некрасивым, у-у-у! Где твоя шерстка, где твой пухлый животик, где ушки? Почему ты превратился в двуногого зверя, у-у-у? Ты сможешь ещё превратиться обратно?

От этого потока рыданий Цзян Тан совсем растерялся.

Не понял... он что, некрасивый?

Причём настолько, что Да Бай аж расплакался от ужаса? Он... и правда настолько страшный?!

Да быть такого не может. В новеллах же всегда писали, что духи и демоны, приняв человеческий облик, становятся ослепительно красивыми. Не могло же именно ему выпасть превратиться в уродца?

— Иу, — машинально ответил он тигру на зверином языке. — Правда такой страшный?

— Ау-у! — хвост тигра тревожно заходил из стороны в сторону. — Страшный! Белый комочек, лучше стань обратно. У-у-у, мне так нравилось, каким ты был раньше!

И словно мало было уже вонзённых ножей, тигр ещё добавил:

— Слишком страшный. Настолько страшный, что я уже даже не хочу тебя любить. У-у-у.

Цзян Тан: «...»

Ну, это в каком-то смысле тоже было счастьем через несчастье.

По крайней мере, теперь тигр не станет каждый день бегать за ним следом и пытаться лизнуть.

Е Чжэнвэнь и так уже едва не рухнул от того, что собственный духовный зверь осмелился на него напереть, а теперь и вовсе был полон вопросов.

И неудивительно. Серебряный морозный тигр и этот демонически красивый юноша то аукали, то пищали в ответ, будто действительно могли разговаривать друг с другом. И почему-то это сразу напомнило ему ту белую собачку, которую раньше носил на руках брат Линь. Та тоже общалась с его Да Баем каким-то странным образом.

— Да Бай, назад! — рывкнул он. Только что он слишком долго мок под ливнем, а теперь пламя феникса прожарило его так, что всё тело стало тёплым. Он на ходу выкручивал одежду и звал непослушного духовного зверя. — Не дай нечисти себя одурманить. Это не Сяо Бай!

Мокрые одежды на Е Чжэнвэне быстро высохли под всплесками духовной силы и, высыхая, взметнулись по ветру. Он сурово уставился на Цзян Тана в объятиях Фу Линцзюня и громко крикнул:

— Нечисть! Не покажешься ли ты уже наконец?!

Между его пальцев неизвестно когда возник талисман изгнания нечисти. На бумаге мягко вспыхнул золотистый свет, побежав по загадочным письменам. Е Чжэнвэнь метнул талисман в Цзян Тана. Тот хотел было уклониться, но талисман будто обзавёлся глазами: шлёп — и прилепился ему прямо ко лбу.

— Бесполезно! Этот талисман запомнил именно тебя, нечисть. Тебе не уйти! — Е Чжэнвэнь вскинул подбородок, полный юношеской заносчивости. — Раз уж ты попалась мне, дедушке, сегодня не повезло именно тебе. Я сейчас же тебя...

Но договорить он не успел. Талисман, который должен был разгонять нечисть, вдруг сам собой отклеился от лба юноши и, покачиваясь, упал на землю.

Ничего не произошло.

У Е Чжэнвэня по спине побежали мурашки. Он в ужасе отшатнулся на шаг.

— Ты... ты что вообще за чудовище такое?!

Лунно-белые ясные глаза моргнули. Похожий на наваждение юноша будто ненадолго задумался, а потом мягко, тягуче произнёс:

— Сяо Бай.

И ткнул в себя белым пальцем.

— Наглость! Сяо Бай ловкий и милый, тебе до него и вполтину не дотянуть! — Е Чжэнвэнь окончательно отказался верить своим глазам. Он вытащил из жемчужины Нахаяй сразу несколько высших талисманов изгнания нечисти, зажал по одному между пальцами и метнул все разом в Цзян Тана. Перед тем как бросить, он ещё и поджёг их.

Несколько полос золотого света вмиг так ярко озарили пещеру, что глаза резануло. Цзян Тан инстинктивно вскинул руку перед лицом, но в следующий миг услышал только пронзительный вопль, и золотое сияние тут же исчезло.

Открыв глаза, он увидел, что ещё секунду назад грозный Е Чжэнвэнь теперь валяется на земле, весь в саже. Две пряди у лба, которые он так любил красиво укладывать, по непонятной причине обгорели. Если бы серебряный морозный тигр не бросился тут же их тушить, пожалуй, вся роскошная шевелюра молодого господина пошла бы прахом.

— Ау-у, — тихо подал голос тигр.

Он и так уже понял, что перед ним его любимый Туаньцзы. Подбежав к хозяину, он обнюхал его, убедился, что тот всего лишь потерял сознание от ответного удара силы талисманов и серьёзно не пострадал, а потом трусливо поджал хвост и, вцепившись зубами в одежду Е Чжэнвэня, утащил хозяина в угол. Там тигр сел перед ним, заслоня собой, будто собирался защищать.

Драться он всё равно не мог. Серебряный морозный тигр всегда опасался Фу Линцзюня и теперь лишь обиженно пригнул голову, старательно его избегая.

Фу Линцзюнь пока тоже не собирался отнимать у Е Чжэнвэня жизнь.

Он подошёл с Цзян Таном к той самой плотной верхней одежде, на которой тот прежде лежал, и осторожно опустил юношу на землю.

Цзян Тану и так было не по себе от того, что его всё время носят на руках, так что, оказавшись на земле, он тут же попытался отползти назад. Но едва он чуть-чуть отодвинулся, как чья-то ладонь перехватила его за щиколотку.

Горячая, сильная рука без труда сомкнулась на его тонкой ноге, не оставляя ни шанса вырваться.

Убежать Цзян Тан уже не мог, а в следующий миг вторая рука Фу Линцзюня легла ему на голень.

Длинные пальцы почти обхватили всю икру. Даже сквозь тонкую ткань штанов чувствовался жар его ладони.

Тот самый Цзян Тан, который ещё недавно сам цеплялся за него всеми лапами, как осьминожек, теперь застыл всем телом.

Он сидел тихо, словно деревянная кукла, не шевелясь. Через какое-то время украдкой глянул на Фу Линцзюня.

С того момента, как появился Е Чжэнвэнь, лицо у того снова стало самым обыкновенным — лицом Линь Шэна. Но теперь, глядя на эту неприметную внешность, Цзян Тан уже отчётливо представлял себе, какое выражение скрывает под ней настоящий красавец.

— Что такое? — заговорил он первым.

Сейчас он по-прежнему мог говорить лишь короткими фразами. Смысл большинства слов он вроде бы уже понимал, но, стоило их соединить, начинало казаться, что что-то получается не так, и потому он предпочитал говорить меньше, лишь бы не ошибиться. В этом он прямо походил на Сян Сина.

Великий злодей не ответил.

Опустив голову, он осматривал ногу юноши, исколотую острыми камнями.

Ступня была маленькой и красивой, с едва заметной мягкостью, добавлявшей ей милоты. Сейчас на нежной подошве и пальцах кое-где выступила кровь. Вид у этой ноги был жалкий, а сами пальцы чуть поджимались, так и не сумев расслабиться.

— Не больно? — спросил он. И в голосе отчего-то звучало глухое раздражение.

Лишь после этих слов Цзян Тан с опозданием понял, что его палец на ноге, который всё это время ныл, и правда оказался разбит!

Будучи образцовым офисным трудягой двадцать первого века, Цзян Тан считал, что лучше всего на свете умеет угадывать настроение начальства. Услышав, что тон у Фу Линцзюня недобрый, он сразу решил, что это его новообретённое человеческое тело до смешного

хлипкое и потому сердит великого злодея. Всё-таки тот и без того занят своим сюжетным путём, а тут ещё вынужден подбирать за ним хвосты — неудобно до крайности.

Он снова попытался отдёргнуть ногу и очень искренне сказал:

— Не больно.

Он клялся себе, что ни в коем случае не станет обузой для великого злодея.

Но стоило ему ответить, как лицо того стало ещё мрачнее.

Цзян Тан весь сжался. Ему всё сильнее казалось, что сейчас он всего лишь бесполезный подвесной груз, который тянет назад. Хотелось тут же снова стать Сяо Баем: маленькой белой собачкой, которую можно было носить за пазухой где угодно, лёгкой и не мешающей. К тому же тогда его прикрывала толстая мягкая шерсть — даже если бы он где-то ударился, Фу Линцзюнь всё равно бы этого не увидел.

— Правда, хорошо, — поспешно поправился он, не зная, может, просто выбрал не то слово. И даже хотел слегка пошевелить щиколоткой, в доказательство, что ему совсем не больно.

В следующую секунду на его ступню вдруг пролилась прохладная влага.

Пальцы на ноге сами собой поджались — от лёгкой щекотки хотелось отдёргнуться, но ранка болела, и потому он мог только напряжённо замереть.

Фу Линцзюнь то ли сложил какое-то заклятие, то ли коснулся печати. Меж двумя сомкнутыми пальцами у него тонкой струйкой потекла чистая вода и стала смывать с босой ноги пыль и кровь, налипшие за весь путь.

Поток был очень мягким. Цзян Тан, склонив голову, заморожённо наблюдал за этой маленькой магией мира бессмертных и с проблеском надежды спросил:

— Хочу. Это.

Ему тоже хотелось научиться заклинаниям.

Не ради какой-то великой цели — просто чтобы занять себя чем-нибудь и найти маленькую опору в будущем. Если бы он сумел освоить хотя бы простейший огненный шар, управление водой или что-то в этом роде, то даже уйдя однажды от великого злодея, не умер бы с голоду: можно было бы и в мире смертных зарабатывать представлениями.

Фу Линцзюнь, разумеется, и не подозревал, что выращенная им собачка уже всюду размышляет о жизни после расставания.

— Потом попробуешь, — сказал он. И лицо у него, кажется, чуть смягчилось.

Цзян Тан облегчённо выдохнул. Значит, великий злодей им не раздражён и по-прежнему готов с ним говорить.

Стоит человеку хоть раз почувствовать сладость поблажки, как он тут же начинает наглотать. Цзян Тан уже почти загорелся мыслью выпросить у него обучение прямо сейчас, но в этот момент на промытую рану легла густая мазь.

— Больно... — только и выдохнул он, до этого всё время терпевший. Осмелился пожаловаться он лишь потому, что лицо Фу Линцзюня вроде бы перестало быть таким страшным.

И стоило ему признаться, как великого злодея будто снова окатило тьмой: лицо почернело, а движения, обрабатывающие рану, стали заметно резче.

— Больно, а ты терпишь? — он поднял на него взгляд. В тёмных глазах колыхалось что-то, чего Цзян Тан не мог прочесть.

Умеющий угадывать настроение пёсик слабо добавил:

— Ничего страшного.

Подумаешь, маленькая ранка. Скоро сама заживёт.

Пока они занимались раной, Е Чжэнвэнь, ненадолго потерявший сознание после ответного удара талисманов, уже начал приходить в себя.

Голова у него звенела, в ушах всё ещё стоял треск взорвавшихся почти у самых висков талисманов изгнания нечисти.

Шумело долго. Сквозь этот гул до него отрывочно донеслись голоса брата Линя и той нечисти.

— Не больно? — это спрашивал брат Линь.

А дальше раздался мягкий, соблазнительный голос демонического отродья, нежный до дрожи и будто чуть смущённый:

— Не больно.

Е Чжэнвэнь едва не вскочил на месте, готовый тут же зарубить эту нечисть. Но следующая фраза заставила его смутно ощутить, что что-то тут неладно.

— Правда, хорошо.

Сказано это было так томно и мягко, с приподнятым на конце, почти кокетливым тоном, что Е Чжэнвэню тотчас вспомнились кое-какие места в Фуфэне, куда приятели-гуляки когда-то водили его «набираться опыта». Из соседних комнат там как раз доносились примерно такие же непроизносимые звуки.

И под эти слова до него смутно дотянулся двусмысленный плеск воды — тихий, непрерывный. А потом между двумя людьми будто повисло что-то вязкое. Дальше тянулся такой многозначительный промежуток молчания, что, кроме воды, не слышно было ничего.

Праведный повеса, молодой господин Е, окаменел.

Сколько длилась эта пауза, столько он и лежал каменной статуей.

И только когда нечисть снова тихо сказала:

— Хочу. Это.

У него онемела кожа на голове. Больше всего на свете ему захотелось, чтобы талисманы взорвались ещё раз и он снова потерял сознание.

— Потом попробуешь.

А вскоре вслед за этим нечисть сладким голосом протянула то самое роковое слово:

— Больно...

— Больно, а ты терпишь?

— Ничего страшного.

«...»

Сначала от собственных талисманов у Е Чжэнвэня закоптило только лицо и волосы.

Но, подслушав этот совершенно неподобающий разговор, он почувствовал, что у него даже

внутренности обуглились.

Он твёрдо решил, что ему не следовало здесь находиться. Лучше бы Да Бай просто взял его в зубы и выбросил наружу под дождь.

Но Да Бай совершенно не понимал его сердечной боли. Напротив, он с большой заботой вылизывал ему лицо, размазывая по нему слюни.

Е Чжэнвэнь даже сопротивляться не смел. Лежал с закрытыми глазами, не рискуя их открыть. Он боялся, что брат Линь и нечисть узнают: он уже пришёл в себя. Все мысли у него в голове смешались в кашу, и, пока он лежал, его глазные яблоки под веками беспокойно металась из стороны в сторону.

Прошло очень, очень много времени — а может, и вовсе не так уж много, — но в конце концов те звуки всё же стихли.

Фу Линцзюнь смазал рану Цзян Тана, а потом снова одной рукой поднял его на руки. Первый раз страшно, второй уже легче: на этот раз Цзян Тан смутился куда меньше и просто счёл, что нужно относиться к себе как к прежнему домашнему питомцу.

В конце концов, раньше великий злодей тоже везде носил его с собой. Просто теперь он стал крупнее и уже не помещался под одеждой.

Так они и пошли к выходу из пещеры.

Внезапный ливень на утёсе Жисы наконец начал стихать. Мир, омытый дождём, стал ясным и свежим. На листьях скапливались тяжёлые капли, и, стоило ветру качнуть ветви, они одна за другой срывались вниз.

Дойдя до входа, Фу Линцзюнь бросил взгляд на валяющегося на земле и изображающего труп Е Чжэнвэня и холодно произнёс:

— Вставай уже.

Тот, кто лежал без движения, заметно дёрнулся и украдкой приоткрыл один глаз.

Голова у него сейчас шла кругом до крайности. Даже то, что брат Линь будто бы был околдован нечистью, отошло на второй план. Всё его сознание было придавлено услышанным совсем недавно.

— Ау-у... — пушистая тигриная голова сунулась ближе и ткнулась в закопчённую щёку Е Чжэнвэня.

Тот сел, всё ещё с явным нежеланием, и растерянно посмотрел на Фу Линцзюня.

— Где Ци Цунъюй? — спросил тот.

Мозг Е Чжэнвэня пока ещё работал через раз, и потому он послушно отвечал на всё, что у него спрашивали:

— Не знаю. Мы потерялись.

Фу Линцзюнь взглянул на светло-зелёную духовную птицу, кружившую у входа:

— Они ищут тебя.

Под «они», разумеется, он имел в виду Хуай Чэнъиня и остальных.

Голова у Е Чжэнвэня наконец начала соображать. После того как они с товарищами разделились, он даже не подумал сам отправить им весточку. Позже Хуай Чэнъинь действительно присылал ему духовную птицу, но сначала Е Чжэнвэнь был без сознания после взрыва талисманов, а потом притворился спящим и тоже не ответил.

Теперь, увидев птицу, он торопливо раскрыл послание. И правда — от Хуай Чэнъиня.

Тот писал, что они втроём вошли в гору-лабиринт и внутри встретили Ци Цунъюя. Они уже несколько раз прошли по кругу, но так и не нашли, где выход. Очень вероятно, что там действует какая-то формация, сбивающая зрение. Поэтому Хуай Чэнъинь надеялся, что Е Чжэнвэнь как можно скорее найдёт Линь Шэна и приведёт этого знатока печатей и формаций им на помощь.

Ниже он даже подробно описал, как именно они вошли в гору, что было вокруг и какие приметы виднелись по пути — не хватало только настоящую карту нарисовать.

Прочитав послание, Е Чжэнвэнь с некоторым колебанием покосился на нечисть в руках брата Линя. Но сейчас у его товарищей была беда. Если внутри и вправду формация-обманка, то в их команде, кроме Линь Шэна, просто некому разобраться с ней и вывести людей.

— Эм... — уступил он наконец и без утайки пересказал Фу Линцзюню всё, что было в сообщении. — И что нам теперь... делать?

Фу Линцзюнь сразу шагнул вперёд.

Е Чжэнвэнь вскочил с земли и поспешил за ним.

С кончиков пальцев Фу Линцзюня слетел маленький золотисто-красный феникс. Он быстро взмыл в небо, сделал круг и вскоре снова вернулся на его руку.

Е Чжэнвэнь всё отчётливее чувствовал, что знакомый ему брат Линь изменился. Прежде он был просто молчалив, холоден с виду и горяч сердцем. Теперь же от него веяло так, будто к нему в принципе нельзя приближаться. И глаза у него стали какими-то слишком страшными. Е Чжэнвэнь даже всерьёз заподозрил, не вселилось ли в него какое-нибудь горное чудовище.

Но раз Фу Линцзюнь пошёл, Е Чжэнвэню оставалось только тащиться следом вместе с серебряным морозным тигром.

Они шли очень долго. Пересекли одну из внешних гор утёса Жисы, а потом увидели другую — поменьше и куда более жуткую.

С первого взгляда было видно: в неё ведёт бесчисленное множество пещер. Похоже, сюда давно никто не входил и не выходил. Снаружи всё заросло густыми тёмно-зелёными лианами.

Издали гора напоминала вертикальный лабиринт, уходящий вверх.

Е Чжэнвэнь от увиденного невольно попятился, а потом, потеряв нос, с опаской пробормотал:

— Если мы войдём... мы ведь оттуда выберемся, да?

Фу Линцзюнь даже не удостоил его взглядом. Он сложил указательный и средний пальцы, начертил в пустоте знак, и тот ожил, устремившись к одному из входов.

Не спрашивая, готов ли Е Чжэнвэнь идти за ним, он сам первым направился к пещере, которую выбрал знак.

Цзян Тан уже давно привык следовать за великим злодеем по сюжету, так что не тревожился ни капли. Смирно сидя у Фу Линцзюня на руке, он даже успевал крутить головой по сторонам.

Оригинал он прочёл лишь до пятидесятой с небольшим главы, так что не знал, какой именно секрет скрывает утёс Жисы. Но раз такой персонаж, как Цзян Чаньюань, продержался рядом с Фу Линцзюнем больше двух тысяч глав и так и не был выведен из сюжета, то простым человеком он определённо не был.

С самого начала он почему-то относился к главному герою, Сун Цзиньяо, с необъяснимой близостью. И это выглядело странно. В конце концов, префектура Цзян была всего лишь одной бессмертной сектой на Северном водном континенте. С какой стати Цзян Чаньюань, лучший в Люхэ, так выделял бы мальчишку из такого места?

Похоже, у Сун Юнчжэна и правда была с Цзян Чаньюанем какая-то сделка. Иначе как объяснить, почему юноша, жаждущий мести, так тесно переплёлся с этими двумя?

Стоило войти в гору-лабиринт, как в лицо ударил тяжёлый земляной дух и какая-то затхлая, подгнившая вонь. Правда, держалась она не постоянно: только время от времени налетал порыв ветра, и тогда Е Чжэнвэня на ходу выворачивало. Шёл он сзади и блевал без остановки.

Серебряный морозный тигр, будучи ещё юным, но уже высокоранговым демоническим зверем, обладал не менее острым обонянием. Один такой порыв ветра ударил ему прямо в морду — и тигра вместе с хозяином начало выворачивать уже дуэтом. То один, то другой, как по очереди в песне.

Цзян Тану, впрочем, Фу Линцзюнь почти сразу запечатал чувство запаха. Он оглянулся на Е Чжэнвэня и большого белого тигра, которых выворачивало чуть ли не до смерти, и дёрнул Фу Линцзюня за рукав.

Поймав взгляд этих глубоких, тёмных глаз, он осторожно произнёс:

— Они...

Фу Линцзюнь лишь чуть крепче сжал его в руках и молча пошёл дальше. Но стоило ему сделать ещё два-три шага, как порыв ветра накрыл Е Чжэнвэня и тигра, тоже запечатав им обоняние.

Тот уже выплёвывал чуть ли не желчь, весь обмяк и, держась за стену, дрожал от слабости. Когда же поднял голову и увидел, что Фу Линцзюнь с Цзян Таном уже ушли далеко вперёд, он тут же, подгибая ноги, рванул следом.

Они продолжили путь.

Все дороги внутри горы были до жути похожи одна на другую. У Е Чжэнвэня, шагавшего позади, от этого уже рябило в глазах. А вот человек впереди шёл размеренно и безошибочно, словно каждый поворот был заранее просчитан.

Внутри горы-лабиринта стояла мёртвая тишина.

Вдалеке и вблизи слышался только ветер, гулявший по сквозным проходам, да их собственные шаги.

Е Чжэнвэнь шёл за ними на нервах, всё время ожидая, что из какого-нибудь бокового хода на них выскочит нечто мерзкое и до смерти перепугает. То ли у него рот и правда оказался вороньим, то ли беды сами к нему липли, но стоило ему об этом подумать, как из прохода впереди и правда метнулась фигура человека в лохмотьях. Глаза у него были мутные, рыбы —

он выглядел не лучше покойника.

Ногти у этого «человека» были длинные, острые, чёрные, будто пропитанные ядом. Он бросился прямо на идущих впереди двоих.

— Хрр... — только и успел захрипеть он.

В следующее мгновение тело застыло. Из-под ног рвануло громовое пламя, и через миг от «человека» не осталось ничего.

Тук.

На землю упала красивая кость, мягко светившаяся изнутри, словно драгоценный камень.

Примечание автора:

У Тан-Тана волосы и глаза лунно-белые. Это очень нежный, светлый голубоватый оттенок. Можете поискать, правда очень красиво.

<http://bllate.org/book/17032/1639371>